

— Ах!.. Ген... Ген... Генерал! — Ли Цюань, сидевший между колен Фань Ло, вскрикнул, когда военачальник обхватил его покрасневшие ягодицы.

Фань Ло, не разрывая плотного контакта, освободился от нижних одежд. Он с глухим шлепком ударил Ли Цюаня по бедрам своим разгорячённым, напряжённым естественным, заставив того мелко задрожать от неожиданности. Прежде чем парень успел прийти в себя, генерал направил своё твёрдое, пульсирующее орудие к заветной цели и резким, уверенным толчком вошёл внутрь.

— Генерал! Генерал! Генерал! — истошно заголосил Ли Цюань.

Забыв о приличиях, он вцепился руками в шею Фань Ло, пытаясь приподняться и спастись от этой огненной боли. Сидя на его коленях и едва прикрыв наготу, он закричал прямо в ухо мужчине:

— Я... я помогу вам ртом! Пожалуйста!..

Фань Ло его не слышал. Со лба генерала скатилась капля пота, упав на руку Ли Цюаня. Крепко сжав мягкую плоть, Фань Ло развёл ягодицы парня в стороны и, прицелившись в ещё не готовую к такому напору цель, снова толкнул бёдрами вверх.

— А! Ой! Ох!.. — при каждом ударе Ли Цюань издавал совершенно нелепые звуки. Он извивался на коленях генерала так отчаянно, что едва не рухнул на пол.

Фань Ло мимолётно недоумел. В его памяти близость с наложниками всегда проходила гладко, без малейших препятствий. Почему же с этим парнем всё шло так туго? Генерал и не подозревал, что его изнеженные слуги всегда заранее использовали специальные приспособления и мази для подготовки.

Сейчас же оба были покрыты испариной, тяжело дышали, но так и не могли преодолеть преграду. Атмосфера страсти начала стремительно угасать. Ли Цюань, видя растерянное, но всё ещё упрямое выражение на лице своего господина — на этом точёном облике, покрытом лёгким румянцем, с плотно сжатыми губами и вздувшимися на лбу жилами, — понял, что генералу сейчас тоже несладко.

Помедлив, он едва слышно пробормотал:

— Генерал... неужели у вас нет чего-нибудь... скользкого?

Едва договорив, он готов был отвесить себе пощечину — сам же напрашивается на муку!

Фань Ло на мгновение задумался, затем протянул руку под тахту и достал деревянную шкатулку. Открыв её, он извлёк баночку с густой мазью молочного цвета — целебным

бальзамом, приготовленным военным врачом Цюем.

— Это?

Ли Цюань помрачнел ещё сильнее. С несчастным видом он зачерпнул добрую горсть мази и кое-как принялся смазывать себя внизу. Для него всё это было в новинку — как для невесты первая брачная ночь. В лагере он не раз слышал хвастливые рассказы бывалых солдат, но как всё устроено на самом деле, представлял смутно. Понимая, что участи своей не избежать, Ли Цюань стиснул зубы и, глядя на генерала, выдохнул:

— Давайте!

Фань Ло дважды повторять не пришлось. Он обхватил парня за талию, прижал его ноги к своим бокам и, направив горячую плоть к заветному входу, вновь начал медленно входить, на этот раз поддаваясь скользкой мази.

Ли Цюань резко втянул воздух, в глазах у него потемнело от боли. Ему отчаянно хотелось впиться во что-нибудь зубами, чтобы не закричать, но рядом было лишь обнажённое плечо генерала. Поколебавшись, он отвернул голову и с силой укусил собственное запястье.

— Больно? — Фань Ло замер на полпути. Парень судорожно сжался, не давая двинуться дальше. Генерал коснулся места их соития — благодаря мази крови почти не было.

С искажённым лицом Ли Цюань часто закивал, не выпуская руки изо рта и надеясь, что генерал над ним сжалится. Но маркиз Чжэньюань лишь вскинул брови, схватил стоявший рядом кувшин и сделал глубокий глоток вина. Затем, обхватив лицо парня, он впился в его губы, вливая обжигающую жидкость прямо ему в рот.

Ли Цюань содрогнулся. Крепкий «Шаодаоцзы», северный напиток, который пили, чтобы не замерзнуть в лютые холода, мгновенно ударил в голову. Жар огненной лавиной пронёсся по пищеводу, смешиваясь с дурманящей страстью, и скопился где-то внизу живота.

Переплетённые языки, искусанные губы — в этот миг они напоминали горные реки, что сливаются в единый поток, который невозможно разделить. Казалось, Фань Ло было мало: он снова прильнул к кувшину и влил остатки вина в Ли Цюаня. Напиток не просто согрел их тела — он опьянил души.

От вина Ли Цюань обмяк, превратившись в податливое тесто в руках генерала. Фань Ло почувствовал, как парень начал медленно расслабляться, податливо принимая в себя горячее вторжение.

На белой коже генерала блестели капли пота, он смотрел с тёмным пламенем в глазах, а мышцы на руках перекачивались тугими жгутами. Когда он окончательно вошёл, Фань Ло

глубоко вздохнул. Он крепко прижал к себе дрожащее тело парня, не в силах сдержать бушующий внутри первобытный шторм.

Внезапно, не давая Ли Цюаню опомниться, он резко приподнял его за бедра, почти полностью выходя, а затем вновь вогнал себя внутрь до самого основания.

— А-а-а!.. — Ли Цюань содрогнулся всем телом. Опыянение и страсть слились воедино, и он тихо и жалобно всхлипнул, словно щенок.

Фань Ло, чувствуя, как парень плотно сжимает его естество, ощутил, как по позвоночнику пробежал разряд. Его взгляд потемнел. Сжав сильными пальцами его поясницу, генерал начал мерно и глубоко двигаться.

Первоначальная боль сменилась странным томлением. В сознании, затуманенном вином, удары плоти о плоть отдавались влажным звуком, проникая в самое сердце. Когда Фань Ло медленно выходил, Ли Цюань чувствовал, как бушующие волны превращаются в мерную качку утлой лодки посреди океана.

Ли Цюань провёл в армии не один год, но сейчас его ноги дрожали от изнеможения, хотя он продолжал крепко обхватывать ими талию генерала. Теряясь в нахлынувших чувствах, он лишь желал, чтобы этот прилив стал ещё сильнее.

— М-м... — закинув голову, Ли Цюань облизал губы. Он невольно скользнул рукой к собственному паху, где уже выступили капли влаги, и он попытался двигаться в такт генералу.

Но едва он начал ускорять ритм, Фань Ло накрыл его руку широкой ладонью, крепко сжимая у основания.

— Ген... генерал... — парень уставился на красивое лицо военачальника расфокусированным, полным обиды взглядом.

Фань Ло, не прекращая толчков, прерывисто выдохнул:

— Не смей.

Ли Цюаню захотелось взвыть. Он начал нетерпеливо извиваться, пытаясь высвободиться. В ответ генерал с хлестким звуком ударил его по округлой ягодице и резко прибавил темп, словно пустил коня в галоп. Ли Цюань снова обмяк, а его обида превратилась в тихий стон, от которого по коже пробежали мурашки.

Фань Ло повалил его на тахту, закинул его ноги себе на плечи и припал к его шее, слегка прикусывая кожу, словно собирался поглотить его целиком.

Сколько прошло времени? Полчаса? Час? Сознание Ли Цюаня то угасало, то вновь возвращалось к реальности. Слезы застилали глаза, он судорожно обнимал генерала за плечи и качал головой:

— Пощадите... Генерал, пощадите меня...

Но ответом ему были лишь ещё более глубокие, властные толчки. Фань Ло не давал ему ни малейшей возможности отстраниться. У входа уже взбилась белёсая пена, медленно стекая по бедрам парня.

— Не отпущу, — Фань Ло горячо прошептал в самое ухо, заставив Ли Цюаня снова вздрогнуть. Ли Цюань мучился от невозможности разрядки, но эти слова пролились в его сердце живительной влагой.

«Не отпущу», а не «не пощажу»...

— А-ах! — в порыве судороги горячее семя обожгло внутренние стенки. Фань Ло разжал руку, сжимавшую Ли Цюаня, и он, всхлипнув, наконец излился сам, мгновенно проваливаясь в беспамятство.

— М-м... Генерал, больше не надо...

В шатре воцарилась тишина, прерываемая лишь тяжёлым дыханием и запахом остывающей страсти. За полмесяца похода Фань Ло впервые почувствовал такое упоение и не собирался останавливаться. Он улегся на бок, обнимая Ли Цюаня со спины. Острота спала, и теперь он неторопливо ласкал его шею, соприкасаясь с ним всем телом.

Ли Цюань был измотан до предела. С трудом открыв глаза, он попытался отползти от этого «демона», но едва он шевельнулся, генерал притянул его обратно и снова дразняще прижался к нему своим остывающим естеством. Несмытая влага скользнула по смуглой коже бедер.

Ли Цюань в отчаянии посмотрел в потолок шатра, делая последнюю попытку спастись.

— Генерал, смилуйтесь над вашим слугой... Я... я ртом всё сделаю, честное слово!

Снаружи уже начинали петь первые петухи. Ли Цюань с ужасом вспомнил слова о «трёх днях». Неужели генерал и впрямь вознамерился не выпускать его из постели всё это время? Да он же умрёт молодым от истощения!

Внезапно Фань Ло наклонился и слегка прикусил его ушную раковину. Ли Цюань вздрогнул — это было его самое слабое место, тут уже никакой бог не спасёт. Стиснув зубы, он пытался подавить нахлынувшую негу, как вдруг услышал тихий, хриплый вздох.

— Эр Гоуцзы... — нежно позвал генерал. Его детское имя... Имя, которое произносят лишь самые близкие...

У каждого в сердце есть струна, которую прячут глубоко внутри. Но если её задеть — человек пропадёт.

Ли Цюань замер. Это имя эхом отозвалось в его душе, и глаза снова подозрительно заблестели. Что-то в груди словно лопнуло, и это чувство было уже не унять.

Он снова всхлипнул, но сам качнулся навстречу. В едином ритме, поддаваясь каждому движению, он сам направил генерала, принимая его в себя снова и снова...

***

На следующее утро Ли Цюаня разбудил шум.

Из-за плотных занавесей донесся раскатистый, яростный рык:

— Гром и молния! Генерал! Это же человек, а не мишень на полигоне! Вы что, решили, что его задница — это яма, которую можно копать в своё удовольствие?!

От этих слов несчастный солдат едва не задохнулся. Сомнений не было: этот громовой голос, в котором за грубостью скрывалась искренняя забота, принадлежал военному врачу Цюй Ди.

Спустя мгновение раздался спокойный, но прохладный голос генерала:

— Я его генерал.

— А я его отец родной! — взревел упрямый Цюй Ди.

Раздался глухой удар — бедный Ли Цюань от неожиданности скатился с постели и приземлился аккурат на пострадавшее место.

В ту же секунду над лагерем пронёсся вопль, полный невыразимой муки.